

Раздался оглушительный грохот, и в воздух взметнулось облако удушливой пыли. Тяжелая сеть рухнула на землю, а следом в пещеру, выбросив вперед босые ноги, прыгнул мальчишка. Он опустился на четвереньки прямо перед Мао Сяофэем, по-собачьи склонил голову набок и уставился на него круглыми, как спелые сливы, угольно-черными глазенками.

— Ты?!

Мао Сяофэй мгновенно узнал этого сорванца — того самого, что совсем недавно в лесу умудрился помочиться ему прямо на макушку.

— Как же тебя звали?.. — Мао Сяофэй задумчиво потер подбородок и вдруг хлопнул себя по бедру: — Чжуаси! Точно, Чжуаси. Ты ведь из племени варваров. Что ты здесь забыл? До стоянки твоего племени путь неблизкий. Неужто ты увязался за нами?

От этой мысли Мао Сяофэй невольно насторожился.

Мальчишка промолчал. Сперва он зыркнул в глубь пещеры, где находился Му Цаньшан, затем снова перевел взгляд на Мао Сяофэя и уверенно выдал:

— Папа!

Мао Сяофэй лишился дара речи.

Пока Мао Сяофэй переваривал услышанное, ребенок быстро, по-звериному перебирая руками и ногами, подполз ближе и мертвой хваткой вцепился в его ногу, преданно ластясь всем телом.

Увидев, как этот заморыш льнет к Мао Сяофэю, Му Цаньшан мгновенно взвился. Вспыхнув от ярости, он подскочил к мальчишке, бесцеремонно вздернул его в воздух за шиворот и поднял на уровень собственных глаз.

— Ты еще кто такой? — прошипел он.

Мальчишка не ответил. Он лишь невинно захлопал огромными глазищами, жалобно посмотрел на Мао Сяофэя и беспомощно потянул к нему тонкие ручонки. Ладони у него были такими же грязными, как и пятки. Паренек с ног до головы зарос вековой пылью — видать, мыла он не знал отродясь. Рассмотреть в этой корке грязи черты лица было решительно невозможно, выделялся лишь живой, блестящий взгляд. Куцая юбочка из сухой травы совсем обтрепалась, обнажая грубую плетеную веревку на поясе.

— Это ребенок из племени варваров. Забыл? Вчера, когда мы только пришли...

— Я помню, — холодно перебил его Му Цаньшан.

Он опустил пацана на землю и брезгливо подтолкнул ногой к самому краю обрыва. Пещера пряталась на крутом склоне, и прямо за порогом высилась трехметровая отвесная круча. Приложи молодой генерал хоть каплю усилий, и маленький варвар полетел бы кубарем вниз.

— Вообще-то, он нас спас, — Мао Сяофэй шагнул вперед. Мальчишка, не теряя времени, тут же вновь обвился вокруг его лодыжки.

Му Цаньшан смерил Мао Сяофэя тяжелым, предостерегающим взглядом, безмолвно пригрозив: «Только попробуй».

Мао Сяофэй понимал, что спорить с этим упрямым сейчас бесполезно — пускай остынет. Проигнорировав угрозу, он подхватил ребенка на руки. Взглянув вниз, на подножие склона, Мао Сяофэй заметил рухнувшую тяжелую сеть, под которой копошились смуглые тела. Все стало ясно: это были преследователи из племени варваров. Должно быть, едким дымом они надеялись выкурить их наружу. Но пока они с Му Цаньшаном вели душевные разговоры в глубине пещеры, у преследователей лопнуло терпение, и те полезли наверх. Значит, и давешний шорох осыпающихся камней не был случайностью.

— Твои люди наверняка рыщут где-то неподалеку. Осмотрись вокруг. Если наткнемся на передовой отряд, не придется топать до лагеря пешком. Как раз успеем вернуться дотемна.

Мао Сяофэй обернулся, но Му Цаньшан даже не пошевелился. Он сидел на обломке валуна с совершенно отрешенным, застывшим лицом.

Мао Сяофэй окончательно пал духом. Будь его воля, он бы сел и разревелся прямо перед этими недорослями — ведь оба были младше него самого! Сдерживая тяжелый вздох, он подошел к молодому генералу и пару раз легонько толкнул его в висок. Му Цаньшан безропотно, словно безжизненная кукла, позволил наклонить свою голову.

— Эй, великий полководец, непобедимый бог войны и надежда всей Цинси! Неужто тебя так легко сломить? — Мао Сяофэй иронично выгнул бровь.

Шпилька попала в цель. Му Цаньшан встрепенулся, пристально всмотрелся в лицо Мао Сяофэя и, отряхнув штаны, поднялся:

— Порой мне кажется, что у тебя вместо сердца — ледышка.

— Лишние чувства только мешают жить, генерал. Вам, выросшему в холе и неге, этого не понять. Пошли.

Мао Сяофэй развернулся, но не успел сделать и шага, как чья-то железная хватка стиснула его

предплечье. Он с недоумением обернулся.

— Я отродясь никому не открывал душу, — негромко произнес Му Цаньшан, глядя ему прямо в глаза. — И уж тем более никого не подпускал так близко. Ты первый.

— И что с того? Мне пасть ниц и благодарить за высочайшую милость? — хмыкнул Мао Сяофэй.

— Запомни: если Му Цаньшан чего-то возжелал, он своего не упустит.

— Надо же... А в народе поговаривают, будто молодой генерал чужд мирским страстям, — натянуто усмехнулся Мао Сяофэй, пытаясь перевести все в шутку.

В глубине глаз Му Цаньшана промелькнуло нечто не поддающееся описанию:

— Должно быть, доселе я просто не встречал того, ради чего стоило бы лишиться покоя.

Он протянул руку и, невзирая на яростное сопротивление заморыша, оторвал его от Мао Сяофэя. Мальчишка до последнего цеплялся за шею своего спасителя, так что на бледной коже Мао Сяофэя даже выступили багровые полосы. Генерал наскоро связал пацана обрывками веревок и прикрутил его к своей спине. Мао Сяофэй лишь обреченно покачал головой, даже не заметив, что невольно тепло усмехнулся.

Стоило им спуститься к подножию, как перед ними открылась жуткая картина: тропа была усеяна трупами. Одним раскроило черепа тяжелыми булыжниками, другим — хладнокровно перерезали глотки. Практически у всех мертвецов лица были изуродованы глубокими, сочащимися кровью царапинами, а клочья волос валялись рядом — видно, их драли с корнем и с безумной яростью.

Отойдя от пещеры версты на две, Му Цаньшан наконец сгрузил со спины свою ношу. На грязной мордашке Чжуаси застыло сонное недоумение. Но едва его блуждающий взор наткнулся на Мао Сяофэя, малец мгновенно выпрямился, словно натянутая струна. Не будь он человеком, он выдал бы в себе дворового пса, выпрашивающего у хозяина сахарную косточку, своей преданной позой и лихорадочно блестящими глазенками.

— Слышь, щенок, не смей так пялиться на моего человека, — Му Цаньшан присел на корточки и несильно похлопал Чжуаси по щеке, после чего указал назад, где устилавший землю ковер из палой листвы терялся в непроглядной чаще. — Твой дом там. Мы не станем тащить с собой выходца из племени варваров.

— Чжуаси, у тебя в племени наверняка остались родные, тебе нельзя с нами, — мягко вмешался Мао Сяофэй.

Раз уж малец сумел выговорить слово «папа», значит, человеческую речь он понимал без труда. И пусть сейчас на лице Чжуаси было написано крайнее изумление, Мао Сяофэй не сомневался: паршивец просто прикидывается невинной овечкой.

Стиснув зубы, он добавил:

— Ты выручил нас из беды, и если судьба когда-нибудь сведет нас вновь, я обязательно угощу тебя чем-нибудь вкусным. — Он легонько шлепнул мальчишку по круглой грязной попке: — А теперь ступай. Возвращайся домой.

Чжуаси, взлохмаченный, чумазый, с забившейся в колтуны грязью на макушке, так и остался сидеть на земле, провожая тоскливым взглядом удаляющихся путников.

Дорогой Мао Сяофэй упорно хранил молчание, лишившись всякого желания вести беседы. Они отшагали уже приличное расстояние, но на горизонте так и не показались спасательные отряды. К тому же его не на шутку тревожила загадочная гибель преследователей. В голове вертелась одна догадка, но она казалась столь дикой и неправдоподобной, что он до последнего держал ее при себе.

Когда они одолели еще версту, Му Цаньшан вдруг придержал его за плечо:

— Давай переведем дух. Я слышу журчание воды — тебе нужно напиться. Да и у меня в брюхе уже пусто, пора бы подкрепиться.

Мао Сяофэй поднял взор к небу. Солнце стояло в самом зените, нещадно выжигая землю. Даже под сенью вековых крон дышать было нечем, а усталость и голод сковали тело свинцовой тяжестью. Скучный утренний перекус из лесных ягод давно переварился, не оставив сил.

Мао Сяофэй бессильно опустился на землю и махнул рукой:

— Иди. Только одна нога здесь, другая там. Спасибо.

Му Цаньшан молча кивнул и скрылся в чаще. В его широкой спине, уходящей на охоту в дикие, неизведанные дебри, сквозило величие одинокого воина.

Вокруг буйствовала незнакомая растительность: ядовито-красные и кислотно-зеленые стебли так и лезли под ноги, лишая всякого чувства безопасности. Мао Сяофэй благоразумно обошел манящие, пушистые заросли трав и улегся прямо на голые камни, решив немного вздремнуть. В этих краях повстречать ядовитого гада или болотную тварь проще простого — укусит такая, и поминай как звали, даже взмолиться не успеешь.

Едва смежив веки, Мао Сяофэй провалился в глубокий сон — сказывалось крайнее истощение.

Спустя какое-то время кусты беззвучно раздвинулись. Из зелени показался ребенок с взлохмаченной макушкой и настороженным, не по-детски цепким взглядом.

Спящему Мао Сяофэю вдруг показалось, будто у него нестерпимо зачесалось в носу. Он дважды громко чихнул, недовольно перевернулся на другой бок и попытался уснуть снова, но назойливая щекотка упорно преследовала его и на новом месте. Сон как рукой сняло.

Мао Сяофэй распахнул глаза и прямо перед собой — нос к носу — увидел замурзанную черную физиономию. Вскрикнув от неожиданности, он резко отшатнулся назад.

— Папа! — Малец, преспокойно усевшись на его животе, преданно заглядывал ему в лицо.

— Да слезь ты с меня... — простонал Мао Сяофэй.

Чжуаси послушно сполз на землю и устроился рядышком. Задрав голову, он снизу вверх наблюдал за поднявшимся Мао Сяофэем. Тот выглядел до предела издерганным: раздраженно взъерошил волосы, бросил на незваного гостя косой взгляд и, не выдержав, обреченно отвернулся.

— Никакой я тебе не отец, Чжуаси. Вчера я прекрасно слышал, как твой приятель грозился пожаловаться твоему папаше. Ты — из племени варваров, у тебя есть своя семья. С какого перепугу я должен нянчиться с тобой? Я еще даже не женился, откуда у меня дети? Своей обузой ты мне всю жизнь испортишь, ни одна девка за меня не пойдет! Не смей... слышишь, не смей ко мне липнуть!

Мао Сяофэй обхватил мальчишку под мышки, приподнял и усадил прямо перед собой. Заглянув в глубокие детские омуты глаз, он твердо, чеканя каждое слово, спросил:

— Понимаешь меня?

Чжуаси забавно приподнял бровки и пошире распахнул глаза. Мао Сяофэй ободряюще улыбнулся, надеясь на проблеск разума.

— Папа! — восторженно взвизгнул Чжуаси.

Волна глубочайшего отчаяния захлестнула Мао Сяофэя. Застонав, он бессильно рухнул спиной на камни. Пролежав так какое-то время, он вновь сел. Малец сидел на прежнем месте в той же позе, даже голову набок склонял точно так же, как мгновение назад.

— Тебе нужно вернуться к своим. Ты не можешь остаться со мной, я тебе не отец. Ступай и разыщи своего настоящего родителя.

Не окажись они в этой глухомани, где на десятки попрощ вокруг не встретить ни единой живой души, Мао Сяофэй ни за что не стал бы тратить время на пустые разговоры с диким сиротой. Но сейчас он, ко всему прочему, тщетно пытался воззвать к его здравому смыслу.

— У Чжуаси раньше не было папы, — упрямо пропищал малец и, подползая на корточках вплотную, крепко вцепился в подол куртки Мао Сяофэя. Насупив круглые щечки, он упрямо выпалил: — А теперь ты будешь папой Чжуаси! Ты мой папа!

— Чжуаси! — лицо Мао Сяофэя сурово потемнело. — Мир не крутится вокруг твоих прихотей. С какой стати я должен тащить тебя за собой?

Стараясь не смотреть на просящую, жалобную мордашку, Мао Сяофэй схватился за виски. С этим трехлетним карапузом сладу не было: любые доводы отскакивали от него как от стены. В таком возрасте дети мыслят лишь эгоистичным «хочу», а уж этот маленький варвар, привыкший выживать в глуши, и вовсе не ведал слова «нет». Если ему что-то взбредало в голову, он шел напролом.

«А ведь если подумать, они с Му Цаньшаном — два сапога пара», — мелькнуло в голове у Мао Сяофэя.

Жители Цинси определенно слишком плохо знали своего обожаемого военачальника.

— Послушай, — предпринял последнюю попытку Мао Сяофэй. — До земель твоего племени путь неблизкий, и такому малышу, как ты, в одиночку живым туда не добраться. Мы с тем суровым дядей можем проводить тебя до границ твоих земель. Передадим тебя соплеменникам и уйдем. Там ты вернешься в свой дом, найдешь отца...

Это был самый разумный выход из положения, пусть даже ради него еще предстояло выдержать бой с упрямством Му Цаньшана.

— Но мой папа умер! — звонко выкрикнул Чжуаси.

— Умер? — Мао Сяофэя обдало ледяным потом. — Как... как он умер?

Жуткая догадка, терзавшая его всю дорогу, наконец обрела очертания. Тела варваров, усыпавшие лесную тропу... у каждого из них на лице и шее зияли страшные раны. Будь это делом рук одного взрослого воина, характер повреждений был бы иным. Но эти множественные, рваные следы, расцарапанная кожа, выдранные клочья волос... Так могла бесчинствовать стая свирепых обезьян. Или... один маленький, дикий звереныш.

Заметив, как переменялся в лице Мао Сяофэй, Чжуаси обиженно надулся и уныло помотал головой — дескать, понятия не имеет.

— Ну-ка, покажи мне свои руки, — потребовал Мао Сяофэй.

Чжуаси с готовностью протянул ладошки. Ему явно нравилось, когда его брали за руки, в его понимании это означало начало какой-то веселой игры.

Мао Сяофэй склонился ниже и осторожно принялся к его пальцам. Вдруг малец порывисто потянулся вперед и коснулся его щеки. Мао Сяофэй краем глаза заметил, как ребенок широко улыбнулся. Движения Чжуаси были на удивление нежными и робкими, словно он боялся спугнуть пугливого зверька: он бережно провел ладошкой от подбородка Мао Сяофэя к скуле, легонько потерев мочку уха и лишь затем неохотно отстранился, позволяя тому выпрямиться.

— Чжуаси, если ты действительно хочешь остаться со мной, ты должен говорить только правду.

Улыбка вмиг сошла с лица мальчишки. Он растерянно захлопал пушистыми, загнутыми кверху ресницами. Мао Сяофэй поймал себя на мысли, что отмой этого сорванца от вековой грязи — он оказался бы на редкость миловидным ребенком.

— Это ведь ты расправился с теми варварами на тропе?

Чжуаси судорожно сплел пальцы и принялся сосредоточенно ковырять мозолистую ладошку.

— Они хотели тебя забрать, — буркнул он наконец, не смея поднять глаз.

— Хорошие мальчики не лгут. Если расскажешь все как есть, я, так и быть, подумаю над твоей просьбой.

Чжуаси резко вскинул голову.

— Расскажи, от чего умер твой отец? — негромко спросил Мао Сяофэй.

До его слуха донеслись тихие шаги — судя по поступи, это возвращался Му Цаньшан. Но Мао Сяофэй не обернулся: Чжуаси ловил каждое его движение, и стоило сейчас проявить хоть каплю невнимания, как этот варвар, не по годам смывленный и опасный волчонок закроется в своей раковине.

Ответ Чжуаси заставил Мао Сяофэя похолодеть:

— Он хотел меня побить. И я взял этот нож и перерезал ему горло. — Малец указал на крошечное, тонкое, как рыба чешуя, лезвие, примотанное к его бечевке на поясе.

«Если бы этот бесеныш захотел лишить меня жизни... ведь он только что сидел у меня на животе. Ему ничего не стоило полоснуть меня по шее».

Липкий, ледящий страх заполз под одежду Мао Сяофэя. Медленно, стараясь не делать резких движений, он поднялся на ноги и с высоты своего роста посмотрел на сидящего на корточках ребенка. Чжуаши не сводил с него внимательного, немигающего взгляда.

— Я не возьму тебя с собой. И провожать тоже не стану, — жестко отрезал Мао Сяофэй. — Ты достаточно ловок и силен, чтобы выжить и без нашей помощи. Да, и вот еще что: когда вернешься к своим, сочини историю получше. Можешь свалить гибель тех преследователей на нас.

Голос его звучал сухо и безжалостно. Повернувшись спиной к оцепеневшему мальчишке, Мао Сяофэй зашагал навстречу Му Цаньшану. Он обошел его, слегка похлопал по плечу и бросил:

— Уходим.

Му Цаньшан не до конца понял, что произошло между ними, но его волновало лишь состояние Мао Сяофэя. Раз тот решил идти дальше без передышки, значит, так надо. Из укутанного широкими листьями таро свертка молодой генерал достал чистую родниковую воду и протянул спутнику. Одновременно он краем глаза следил за притаившимся в кустах маленьким варваром. На гибком прутике у него покачивались три свежепойманных карася — один еще слабо трепыхался, дергая хвостом.

Му Цаньшан допил остатки воды из горсти Мао Сяофэя и кивнул:

— Идем.

Они отделились уже на приличное расстояние, но смутное предчувствие беды не покидало Мао Сяофэя. Помня, как легко Чжуаши выследил их в первый раз, он то и дело с тревогой оглядывался назад. Но за их спинами молча вздымалась лишь глухая стена древнего, величественного леса.

— За нами никто не идет, — негромко проговорил Му Цаньшан.

Мао Сяофэй лишь отрешенно угукнул. Как ни крути, а остатки совести все еще грызли его изнутри — слишком уж пугающим и противоестественным казался этот ребенок. Без вьючных мулов путь до лагеря обещал быть долгим, и Мао Сяофэй искренне сомневался, что они успеют добраться до расположения войск до наступления темноты.

Впрочем, лагерь к этому моменту вполне мог сменить дислокацию. Му Цаньшан больше не заводил неловких разговоров, ограничиваясь лишь заботливыми расспросами о еде и питье. Мао Сяофэй понемногу расслабился. Сумерки застали их посреди бескрайней чащи. На сей

раз удача отвернулась от беглецов: Му Цаньшан битый час обыскивал окрестные скалы, но так и не нашел подходящей пещеры для ночлега. Пришлось обустраиваться прямо на небольшой лесной поляне. Они развели высокий костер, призванный отпугивать ночных хищников.

Натаскав сушняка и прелой травы, молодой генерал соорудил на земле подобие мягкого гнезда. Дежурить решили по очереди. Вот только Мао Сяофэй, в отличие от закаленного походами военного, не умел просыпаться сам по внутренним часам — его всякий раз приходилось будить.

Когда наступал черед Мао Сяофэя нести караул, не проходило и получаса, как Му Цаньшан открывал глаза и настойчиво отправлял его спать.

Ближе к рассвету даже самый непроходимый глупец догадался бы, что молодой генерал намеренно оберегает его сон, давая набраться сил. Чтобы не беречь старые раны и избежать ненужной неловкости, Мао Сяофэй помалкивал, с молчаливой благодарностью принимая эту заботу. В конце концов, полноценный отдых был ему необходим: меньше всего на свете он хотел стать обузой в этом нелегком пути.

<http://bllate.org/book/18429/1810882>